

РАМБАМ МНЕ ДОРОГ, НО ИСТИНА ДОРОЖЕ

Быть последователем великого учителя не означает быть фанатическим сторонником, на веру принимающим любую его мысль. Что называется, Платон мне дорог, но истина дороже. В данном случае лучше сказать: Рамбам мне дорог, но истина дороже.

Дело в том, что Маймонида не просто различает, но подчеркнуто противопоставляет способность различения человеком добра (טוב — *тов*) и зла (רע — *ра*) и способность различения истины (אמת — *эмед*) и лжи (שקר — *шекер*) и настаивает, что в результате вкушения запретного плода человек — Адам лишился способности интеллектуального постижения (различения истинного и ложного) или умопостижения, а взамен приобрел способность различения добра и зла, что относится не к умопостижению, но к области обычаев, к сфере общепринятого.

Безусловно, добро и зло не отнести к сфере умопостижимого, кроме как в крайне ограниченном и связанном с пространственными оговорками кругу частных случаев. Однако без оговорок не обойтись и при классификации добра и зла как понятий, относящихся к сфере общепринятого.

Мы не станем доказывать того очевидного факта, что ложь всегда в конце концов обращается в злом. Из всего Писания ясно видно, что ложь хуже истины, а подчас много хуже. Не будем мы вдаваться и в подробности, напоминая, что границы меж добром и злом, относящиеся к сфере общепринятого вовсе не фиксированы, но сильно меняются в зависимости от окружения даже для одного человека: то, что естественно в общественной бане, совершенно недопустимо в религиозном собрании. (А оба эти места должны были быть знакомы Маймониду.) Все это довольно слабые аргументы.

Заметим лучше, что Рамбам в своих рассуждениях о парах добро—зло и истина—ложь роняет замечание о природных качествах, или, точнее, врожденных способностях человека. Существование оных может, мягко говоря, несколько поколебать предположение о добре и зле как категориях, относящихся к сфере общепринятого. Новорожденный младенец, — а о ком еще и говорить в контексте врожденных способностей, — и малейшего представления не имеет о том, что среди ему подобных общепринято плакать, когда холодно или голодно или мокро. Тем не менее такие ситуации младенец воспринимает как несомненное для себя зло. Точно так же он улыбается и радуется — воспринимает как добро, — когда ему поют песню или дарят красивую погремушку. Однако он и тут не знает, что среди младенцев такое поведение «общепринято». Мы клоним к тому, что есть достаточно случаев, когда представления человека о добре и зле не имеют ни малейшего касательства к обычаям и сфере общепринятого.

Теперь об утверждении Рамбама, что «был он [человек] наказан тем, что отнято у него было ... интеллектуальное постижение. И потому нарушил он заповедь, повеление о которой ему было дано из-за интеллекта, и приобрел постижение общепринятых мнений, и погряз в суждениях о плохом и хорошем. Тогда и узнал он, сколь ценно то, что потерял, то, лишившись чего, оказался нагим» (здесь и в других местах: Путеводитель I.2).

Первый естественно возникающий вопрос: остается непонятным, действительно ли человек нарушил заповедь из-за того, что у него была отнята способность к интеллектуальному постижению, или же все-таки он лишился этой своей способности как результат нарушения заповеди? Однако мы поставим под сомнение и то и другое. Человек вовсе не лишился способности к умопостижению ни как следствие грехопадения, ни как его причина. И именно поэтому человек был и остался способен постигать умом и развивать отрасли человеческого знания, коим понятия добра и зла чужды по своей природе. Не будем напоминать о теореме Пифагора, законе Архимеда и о таблице Менделеева...

Во-вторых, человек вовсе не становился нагим, якобы лишившись чего-то. Он от самого начала был нагим и лишь открыл для себя сие, нарушив запрет. Иными словами, умом и способностью к умопостижению человек обладал и до и после преступления.

Если же человек что и потерял (мы не касаемся проблем потери человеком Божия расположения и изгнания из рая), то только иллюзию своего самодовольства и совершенства. Впрочем, последнее наше заявление бессмысленно, ибо таковая иллюзия могла быть у человека только в случае обладания хотя бы слабой способности к различению добра и зла. Но она появилась у человека лишь после вкушения. Тут-то он и обнаружил, что был сугубо несовершен и плох.

Наконец, есть и еще один аргумент. Имей Адам от начала хоть сколько-нибудь совершенную способность отличения истины от лжи, он должен был бы распознать ложь из уст змея-искусителя, да и самого змея должен был бы опознать как лжеца и отца лжи. Он тем не менее ложь распознать не смог. Почему? — Да просто-напросто потому, что соответствующей способности не имел.

Однако было бы крайне глупо утверждать, что человек так и не обрел абсолютно никаких способностей в различении истины от лжи к более поздним временам. Откуда же эти способности появились? Ведь человек, похоже, никогда не вкушал от некоего «древа познания истины-и-лжи». Да и есть ли такое древо?!

Ответ прост: познание истины как противоположности лжи есть частный случай познания добра как противоположности зла. Только так, идя от ложных мнений, человек и может познавать истинное.